

Кутяева Ольга Михайловна

О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА "ИНТЕРПРЕТАЦИЯ" В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА И ТЕОРИИ ЯЗЫКА

В статье анализируются положения теории языка и теории перевода, определяющие суть интерпретации как неотъемлемого элемента переводческого процесса. Автор предпринимает попытку объяснить разницу отражения действительности, соответствующей дискурсу экспертного сообщества, в сознании переводчика и в сознании специалиста - члена данного экспертного сообщества. На примере переводческого дискурса демонстрируется, как специалист интуитивно выражает окружающую его профессиональную действительность через образ, сформированный в процессе аллегоризации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 115-119. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'25(045)

Филологические науки

В статье анализируются положения теории языка и теории перевода, определяющие суть интерпретации как неотъемлемого элемента переводческого процесса. Автор предпринимает попытку объяснить разницу отражения действительности, соответствующей дискурсу экспертного сообщества, в сознании переводчика и в сознании специалиста – члена данного экспертного сообщества. На примере переводческого дискурса демонстрируется, как специалист интуитивно выражает окружающую его профессиональную действительность через образ, сформированный в процессе аллегоризации.

Ключевые слова и фразы: теория языка; теория перевода; интерпретация; дискурс экспертного сообщества; сознание переводчика; сознание специалиста; аллегоризация; символизация.

Кутяева Ольга Михайловна, к. филол. н.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

kutyueva@yandex.ru

О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «ИНТЕРПРЕТАЦИЯ» В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА И ТЕОРИИ ЯЗЫКА®

Анализ эмпирического материала, нацеленный на выявление особенностей перевода в условиях дискурсов различных экспертных сообществ, демонстрирует ряд общих закономерностей соответствующих переводческих практик.

Так, детальное изучение умственной деятельности переводчика-лингвиста и специалиста, взаимодействующих в дискурсивном экспертном сообществе, показало, что профессиональная маркированность языкового сознания базируется на полном цикле «эволюции познания» [3, с. 7] (через освоение дискурса различий и дискурса согласований). Вершиной эволюции является термин, манифестирующий дискурс экспертного сообщества. Однако, профессиональная маркированность языкового сознания лингвиста, ведущего переводческую деятельность в дискурсивном экспертном сообществе, и профессиональная маркированность языкового сознания специалиста, члена этого сообщества, лежат в разных плоскостях познания. При этом не отрицается наличие общих профессиональных маркеров, которые появляются в языковом сознании обоих субъектов в результате их постоянных профессиональных взаимодействий и, как результат, пересечений их контекстов интерпретации.

Далее, анализ переводческого опыта показывает, что изначально знания переводчика о профессиональном объекте его переводческой деятельности носят скорее декларативный, чем процедурный характер. Фактически, доминирование декларативного знания проявляется в недостаточном уровне владения переводчиком объектами практической действительности, или социальной практикой дискурса экспертного сообщества, в котором он выполняет перевод. Это затрудняет восприятие знака в соотношении его с действительностью, ограничивает переводчика в интерпретации контекстов, и как следствие, в выборе языковых знаков при актуализации этих контекстов. Формирование процедурного знания переводчика, обеспечивающего уверенное оперирование закономерными соответствиями в ситуации перевода для экспертного сообщества, происходит благодаря приращению и упорядочиванию закономерных соответствий собственно в процессе работы переводчика.

Данные наблюдения могут оказаться ключом к пониманию специфики переводческой интерпретации, имеющей место в дискурсе экспертных сообществ. Но теоретическое обоснование, которое объяснило бы наблюдаемую ситуацию, прежде всего, опирается в необходимость однозначного толкования термина «интерпретация» и определения места интерпретации в действиях переводчика. Именно интерпретация сцепляет воедино референтную ситуацию, знание и язык в деятельности переводчика.

Целью данной статьи является выведение методологических оснований интерпретации как неотъемлемой составляющей переводческого процесса путём анализа положений теории языка и теории перевода.

Несмотря на относительную «научную молодость», теория перевода сформировала свою собственную, достаточно устойчивую практику функционирования термина «интерпретация». И хотя лингвистикой, из которой выделилась теория перевода как наука, «интерпретация» трактуется как «понимание», в теории перевода этот термин в большинстве случаев номинирует другое звено акта коммуникации – производство высказывания. Последнее, естественно, указывает на функцию переводчика, как отправителя текста перевода в акте межъязыковой коммуникации. Здесь возможно возражение, что созданию текста перевода всегда сначала предшествует понимание исходного текста, а значит, понимание смысла этого текста подразумевается в ходе интерпретации. Но если проанализировать употребление этого термина и его толкование рядом переводоведов, то становится очевидным, что «интерпретация» раскрывает «как переводить», а не «что переводить» = «какое понимание переводить». Такое применение термина относит его к области техники перевода.

Впервые термин «интерпретация» как специальная техника перевода применён в работе И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга «Основы общего и машинного перевода» [5, с. 56-64]. Цель данной работы заключалась в том, чтобы разложить сложный процесс перевода до более простых составляющих и установить между ними связь. Интерпретации в этом процессе отведена конкретная функция в связи с другими действиями переводчика.

Рассматривая деятельность переводчика во время процесса перевода, авторы воедино увязывают действительность, действия переводчика и вербальный инструмент его действий, т.е. язык. В зависимости от того, как переводчик переходит от воспринятой речевой последовательности непосредственно к передаче переводного сообщения, этот процесс называется интерпретацией или переводом.

При интерпретации переводчик, воспринимая речь автора, рассматривает отрезок действительности (ситуацию), стоящий за этой речью. При этом он пользуется своим предшествующим опытом, знаниями о данном отрезке действительности и его связях. Затем, полностью абстрагируясь от самого сообщения, переводчик передаёт сообщение об этой ситуации получателю этого сообщения [Там же, с. 57-59].

При переводе действия переводчика не связаны с ситуацией действительности, нет также возможности обращения к предшествующему опыту переводчика. «Переход от одной системы языка к другой осуществляется непосредственно по заранее установленной системе соответствий». Авторы отмечают, что эта система соответствий формировалась с учётом действительности и опыта, которые отражены и в том, и другом языках [Там же].

Таким образом, перевод определён как «такой процесс, который может быть полностью формализован», а интерпретация – «как такой процесс, формализация которого на современном уровне наших знаний о языке не представляется возможной» [Там же, с. 60]. Грань между переводом и интерпретацией не является стабильной, она зависит от того, насколько формализован язык [Там же, с. 63].

Очевидно, что разделение интерпретации и перевода в рамках данного подхода направлено на высвещение основных подходов к выполнению переводчиком преобразования исходного сообщения, инвариантом которого должен остаться смысл сообщения.

Под смыслом авторы понимают некоторое выражение совокупности элементарных смысловых единиц языка-посредника, поставленных в соответствие с переводимым выражением. Такое понимание смысла, по мнению И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга, соответствует интуитивному выбору переводчика, а инвариантность смысла достигается закономерными соответствиями между единицами разных языков, установленными на основе общности выражения ими семантического содержания. Исходя из этого, инвариантность смысла не может быть абсолютной категорией: смысл инвариантен относительно построенного переводчиком языка-посредника, т.е. абстрактной сетки соответствий между элементарными единицами смысла и набора универсальных синтаксических отношений, актуального для всех языков [Там же, с. 64, 68].

Важным является также выделение такого свойства исходного текста, как «интерпретируемость» [Там же, с. 76], что в принципе указывает на потенциальную ограниченность применения интерпретации. Так, при интерпретации соответствие в ходе преобразования устанавливается через референта сообщения, т.е. через отрезок действительности. Тождество смысла сообщения может нарушиться, т.е. референт тот же, а смысл другой [Там же, с. 63]. Однако, как отмечают авторы, «при разной категоризации действительности в двух языках и возникающей в связи с этим непереводаемости в строгом смысле слова, происходит процесс интерпретации, т.е. передачи содержания при помощи обращения к действительности» [Там же, с. 76].

Суммируя вышесказанное, необходимо указать на то, что процесс интерпретации, как он видится авторами, явно подразумевает включение всех стадий посреднического акта: восприятие, обработка (анализ и синтез) – принятие переводческого решения, воспроизведение. Существенные признаки касаются только двух последних. Это же правомерно и для процесса перевода. Из описания этих двух стадий, определяющих различия перевода и интерпретации, можно предположить, что понимание смысла сообщения у переводчика при интерпретации складывается из соотношения исходного сообщения с действительностью и его опытом непосредственно в процессе передачи сообщения. При переводе понимание не влечёт за собой таких усилий переводчика на вычленение смысла благодаря уже сформированной системе соответствий с учётом факторов действительности и опыта переводчика.

Ещё один существенный признак, лежащий в основе отличия интерпретации от перевода – степень абстрагированности переводчика от оригинального сообщения. В интерпретации, надо полагать, данная абстрагированность ведёт к довольно значительным изменениям семантического содержания сообщения.

Другой подход к определению техник перевода представлен Я. И. Рецкером в его теории закономерных соответствий. Отправной точкой рассуждения учёного является то, что точный перевод – это «не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нём», и что в переводе необходимо полагаться на одни и те же логико-семантические факторы для передачи одного и того же смыслового содержания [6, с. 7-8].

Предписанные три категории соответствий определяют выбор переводчика либо в «сфере языка» (использование традиционных эквивалентов), либо в «сфере речи» (подбор вариантных и контекстуальных соответствий или применение переводческих трансформаций) (сравн. у Комиссарова – эквивалентный перевод и безэквивалентный перевод) [4, с. 48]. Но в любом случае критерием адекватности перевода может выступать только соответствие частице действительности, описанной в оригинале. Простое проникновение в действительность со стороны переводчика не может обеспечить адекватности перевода. Только опора на текст, на то, как эта действительность отображена средствами языка, может служить предпосылкой адекватного перевода. Осведомлённость переводчика в области перевода не сводится к нулю, но «входит в число факторов, определяющих функциональную основу закономерных соответствий» [6, с. 8-10].

Абсолютно противоположный подход к способам перевода представлен Д. Селескович и М. Ледерер в их работе «Интерпретировать для того, чтобы переводить» (1984 г.) [14]. Задача переводчика заключается в передаче на другой язык смысла переводимого высказывания, который возникает в момент речи в конкретных условиях. Такой смысл не совпадает с языковым содержанием высказывания, так как фраза вне контекста коммуникации значит не то, что она значит тогда, когда ее использует говорящий, адресуя её слушающему [Ibidem, p. 104-116].

Использование термина «интерпретация» приравнивается к пониманию, то есть извлечению смысла, минуя языковое содержание. Этот интуитивный процесс происходит мгновенно, в памяти переводчика сохраняется только извлеченный смысл, который он и передает в переводе. Обращение к языковому содержанию, к значениям языковых единиц оригинала только затрудняет и искажает понимание, а следовательно, и перевод.

В таком случае всякий перевод, по мнению авторов, – это интерпретация. Согласно данной интерпретационной теории переводчик интуитивно понимает смысл сказанного и естественным образом, как любой говорящий, выражает этот смысл на другом языке. На самом деле, такое толкование интерпретации включает не столько собственно процесс извлечения смысла, сколько передачу содержания оригинала без ориентации на то, как этот смысл был представлен в оригинале, независимо от того, есть ли у переводчика выбор выполнить перевод наиболее близко к формам оригинала, или нет. Такое «нестрогое» отношение к семантическому содержанию оригинального сообщения сделало эту теорию привлекательной и популярной в переводческом сообществе. Это так называемая «интерпретация... в чистом виде», которая вряд ли в принципе возможна [10, с. 50].

«Схватывание смысла», представляющее краеугольный камень интерпретационной теории, – метафора, не допускающая какие-либо объективные измерения смысла. Сам смысл определяется только остенсивно, иных дефиниций авторы не дают. Это делает их теорию весьма утилитарной. Тем не менее, именно появление интерпретационной теории поддержало методику представления способов перевода как собственно перевод (трансляцию) и интерпретацию. Такое разделение деятельности переводчика на перевод как знаковый способ перевода и интерпретацию как абстрагированный от знака перевод значительно уменьшает в последнем роль языка.

Семиотический подход в теории перевода, наоборот, тесно связывает интерпретацию с языковым знаком. Р. Якобсон называет перевод интерпретацией вербального знака. Он объясняет это тем, что значение любого лингвистического знака – это его перевод в другой знак, особенно в такой, в котором это значение более полно развернуто [12, с. 16-18]. В процессе перевода взаимодействуют две системы – интерпретирующая и интерпретируемая. Соответственно, перевод – это перевод одних знаков в другие, т.е. интерпретация [2, с. 242-247]. Объяснение процесса перевода через интерпретацию открывает одну из существенных его черт, которая и является залогом его успешности – понимание сообщения переводчиком, или иначе «извлечение его имплицатур» [8, с. 52].

В теории языка предназначение любого языкового знака видится в его интерпретации, и в этом смысле интерпретация – это исключительно понимание. Причём понимание знака – это не просто его узнавание, но его толкование (интерпретация) [13, р. 43].

В современной практике перевода трудно переоценить владение искусством интерпретации как умением набрасывать круги понимания независимо от того, в каком дискурсе приходится переводчику выполнять посредническую функцию. Главным препятствием в овладении данным искусством, как уже было ранее отмечено, является то, что переводчик не проходит наравне с экспертом определённого профессионального сообщества всю эволюцию познания данной профессиональной области. И предварительный анализ ситуации, и заучивание закономерных соответствий, иными словами, формирование преднастройки [11, с. 16] не дают гарантии отсутствия трудностей при переводе. В то же время специалист, владеющий языком перевода и языком оригинала, принимает переводческие решения увереннее и более осмысленно – в рамках, естественно, своей профессиональной деятельности.

Объяснить такую ситуацию может сама сущность интерпретации. Любая интерпретация – суть понимания, базируется на опыте, переживании ситуации. С этой позиции У. Эко описывает в «Семиотике и философии языка» (1984 г.) такие виды интерпретации, как символ и аллегория [13].

Способность человека мыслить образами рассматривается не с точки зрения самовыражения, а с позиций понимания знака, интерпретации действительности, выраженной в вербальном знаке. Метафоризация пронизывает процесс семиозиса, и во время интерпретации знака или порождения смысла сложно увидеть, где начинается и заканчивается метафоризация. Образность мысли при интерпретации выражается в аллегории и символе, которые также выступают способами интерпретации.

При символизации опыт / переживание человека перерастают в идею, а идея – в такой образ, через который идея, выраженная этим опытом, всегда остаётся живой (букв. – активной) и недостижимой, и, хотя она находит выражение во всех языках, остаётся невыраженной.

Аллегория трансформирует переживание в концепт, а концепт – в образ, но так, чтобы этот концепт оставался всегда узнаваемым (букв. – определяемым) под этим образом и им выраженным.

Аллегии используют конкретное в качестве демонстрации (букв. – примеров) общего, символы же выражают общее в конкретном. Более того, символы полисемичны, интерпретируемы неоднозначно (букв. – неопределённо), они выражают совпадение противоположностей, выражают невыражаемое, так как их содержание выходит за рамки способностей нашего разума. Аллегии апеллируют к разуму, тогда как символы – к ощущениям [Ibidem, р. 142-163].

Интерпретируя действительность в символах и аллегориях, человек порождает смыслы, находящие своё выражение в образах, которые, в свою очередь, вербализуются в знаке.

Данные теоретические выводы У. Эко позволяют объяснить разницу отражения действительности, соответствующей дискурсу экспертного сообщества, в сознании переводчика и в сознании специалиста – члена данного экспертного сообщества. Метафоризация профессионального лексикона носит достаточно распространённый характер и связана со сближением конкретного дискурса экспертного сообщества с другими дискурсами [1, с. 53]. Очень часто специалист интуитивно выражает окружающую его профессиональную

действительность через образы, сформированные в процессе символизации или аллегоризации. Именно способность к символизации и аллегоризации существенно отличает сознание специалиста от сознания переводчика-лингвиста. Специалист способен узнать знак-образ и интерпретировать его в символе или аллегории с тем, чтобы, в конечном счёте, его понять. Символ, равно как и аллегория, экономит средства языка, но заставляет активно работать наши познавательные процессы, осуществлять поиск в нашем знании. Поэтому переводчик в такой ситуации также имеет две задачи в ходе интерпретации: узнать знак-образ и заставить его раскрыться в символе или аллегории, т.е. понять его.

Интерпретация и заключается во взаимодействии герменевтики и семиологии, где первое – это «совокупность знаний и приёмов, позволяющих заставить знаки заговорить и раскрыть свой смысл», а второе – «совокупность знаний и приёмов, позволяющих распознать, где находятся знаки, определить то, что их полагает в качестве знаков, познать их связи и законы их сцепления» [7, с. 75-76]. По данному наблюдению М. Фуко можно сделать вывод, что семиология и герменевтика находятся в таком соотношении, в каком находится «подобное к тому, чему оно подобно» [Там же, с. 76]. Иными словами, естественное сцепление действительности и знака через мыслительные процессы человека определяет естественный ход интерпретации знака – от подобного (знака) к тому, чему он подобен (действительности, какой она нами видится). Разноположенность этих видений определяет разницу интерпретаций одного и того же знака.

Приведём пример дискурса переводчика, имеющего инженерное образование по автоматизации производственных процессов и солидный стаж работы в проектировании систем управления. Данный пример подтверждает, что специалисту свойственна аллегоризация в процессе интерпретации, что неизбежно сказывается на качестве самого перевода.

Исходная фраза:

All DI are dry contact that has 3.3 V of recognition voltage.

Если переводчик понимает, что речь идет о программируемых логических контроллерах (ПЛК), знает, какие у них бывают входы и выходы, знает о том, что дискретные входы во многих случаях коммутируют контактами реле, и что эти контакты должны быть очень «нежными», чтобы стабильно пропускать небольшой (сотые доли ампера) ток при небольшом напряжении (всего-то 3,3 В), то вместо формального перевода:

Все дискретные входы представляют собой сухой контакт, который имеет 3,3 В распознаваемого напряжения, он без особого труда предложит хорошую инженерно-грамотную фразу:

Коммутация дискретных входов выполняется контактами, рабочее напряжение которых не должно превышать 3,3 В.

Смысл этой фразы заключается в том, чтобы напомнить проектировщику, который будет выбирать аппарат для коммутации входа ПЛК, что контакты у этого аппарата должны быть «нежные».

Итак, если выполняется технический перевод текста, предназначенный для последующей публикации, то, опираясь только на текст, хорошо перевести рассмотренные в примерах фразы невозможно [9].

Анализ представленного отрывка переводческого дискурса демонстрирует, как опыт специалиста, выступающего переводчиком, относительно функционирования определённого технического приспособления (DI dry contact) формирует концепт общей (принятой или стандартной) практики, который находит выражение в аллегории «контакты нежные». За последней разворачивается понимание допустимого предела функционирования объекта аллегоризации (contact) как части целого (DI). В переводе это понимание передаётся через директивную функцию запрета превышения допустимого предела. В противном случае нарушение условия функционирования части нарушает нормальное функционирование всего целого.

Таким образом, очевидно, что в условиях данного контекста именно аллегоризация позволила специалисту выполнить адекватный перевод. Он достигает адекватности, разворачивая своё понимание от вербального знака, вовлекая свой опыт, трансформированный в концепт и далее – в конкретный образ. Переводчику-лингвисту, опирающемуся только на текст, не удалось этого достичь в силу отсутствия способности к аллегоризации в условиях данного дискурса. Это объясняется декларативностью его знания о соответствующей предметной области.

Представленный выше анализ положений теории перевода и теории языка о явлении интерпретации позволяет сделать вывод, что интерпретацию как этап мыслительного процесса перевода целесообразно рассматривать именно как процесс понимания исходного знака. Суть этого процесса – сцепление действительности и знака в образ (аллегория или символ), выступающий основой формирования смысла и определяющий в итоге выбор соответствующей формы переводного знака.

Список литературы

1. **Бородулина Н. Ю.** О перспективах исследования метафорических значений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 52-55.
2. **Гарбовский Н. К.** Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
3. **Каплуенко А. М.** О технологии сущности манипуляции сознанием и её лингвистических признаках // Аргументация vs манипуляция: Вестник ИГЛУ. Сер. Коммуникативистика и коммуникология. Иркутск: ИГЛУ, 2007. № 5. С. 3-12.
4. **Комиссаров В. Н.** Лингвистика перевода. М.: ЛИБРИКОМ, 2009. 176 с.
5. **Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю.** Основы общего и машинного перевода. М.: ВШ, 1964. 242 с.
6. **Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика. М.: МО, 1974. 216 с.
7. **Фуко М.** Слова и вещи. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
8. **Чернов Г. В.** Контекстно-свободная и контекстно-связанная имплицативность и проблема переводимости // Текст и перевод / под ред. А. Д. Швейцера. М.: Наука, 1988. С. 51-63.

9. Шалит И. Почему так трудно переводить технические тексты (вторая причина). Заметки о техническом переводе [Электронный ресурс]. URL: <http://i-shalyt.livejournal.com/1866.html> (дата обращения: 07.01.2013).
10. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 206 с.
11. Ширяев А. Ф. Синхронный перевод: деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
12. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / под общ. ред. В. Н. Комиссарова. М.: МО, 1978. С. 16-25.
13. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington: INDIANA UNIVERSITY PRESS, 1984. 242 p.
14. Seleskovitch D., Lederer M. Interpreter pour traduire. Paris: Didier Erudition, 1993. 311 p.

ON THE CONTENT OF THE TERM "INTERPRETATION" IN TRANSLATION THEORY AND LANGUAGE THEORY

Kutyayeva Ol'ga Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Katanov Khakass State University
kutyayeva@yandex.ru

In the article the propositions of language theory and translation theory which determine the essence of interpretation as an integral component of the process of translation are analyzed. The author makes an attempt to explain the difference of reality reflection corresponding to the discourse of expert community in the translator's consciousness and in the consciousness of specialist – member of the expert community. By the example of translation discourse it is showed how the specialist expresses intuitively the surrounding professional reality through the image formed in the process of allegorization.

Key words and phrases: theory of language; theory of translation; interpretation; discourse of expert community; translator's consciousness; specialist's consciousness; allegorization; symbolization.

УДК 82.091

Филологические науки

В статье рассматривается изображение бюргерского мира и его структурная роль в романах Томаса Манна «Будденброки», «Признания авантюриста Феликса Круля» и «Волшебная гора». Особое внимание при этом уделяется изменениям трактовки бюргерского на повествовательном уровне. Знакомое по первому роману изображение бюргерского мира подвергается острашению путем повторения повествовательных структур и формулировок в более поздних романах. За счет этого происходит осмысление и дальнейшее развитие темы бюргерского в творчестве Томаса Манна.

Ключевые слова и фразы: бюргерство; габитус; повторение; повествование; повествователь.

Лебедева Юлия Николаевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
julia.leb@gmail.com

ОСОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ПОВТОРЕНИЕ: БЮРГЕРСКОЕ НАЧАЛО В РОМАНАХ ТОМАСА МАННА[©]

Принесший Томасу Манну известность и Нобелевскую премию роман «Будденброки» изображает замкнутый, органичный мир бюргерского патрициата старой Ганзы. Своей органичностью роман обязан форме семейной хроники и перспективой, из которой ведется повествование и которая исходит из тех же жизненных норм, что и изображаемый бюргерский мир. Этот эффект объясняется не только габитусом самого писателя, но и тем, что он позволил в своем романе прозвучать чужим голосам. В «Будденброках» это, прежде всего, слово любекских бюргеров, в том числе и предков писателя. Однако это еще не осознанный диалог в пространстве собственного текста; семейные бумаги, с которыми Томас Манн работал при написании своего первого романа, скорее служили образцом структуры повествования и построения сюжета.

В дальнейшем Томас Манн с его привычкой оглядываться на прошлые творения и проживать собственное творчество как непрерывное писательство осознанно прибегал к уже однажды изображенным картинам бюргерской жизни. Эту закономерность можно отчетливо проследить, даже если ограничиться романом творчеством писателя. «Приключения авантюриста Феликса Круля», начатые в 1912 г., обязаны своим затаенным сюжетом «бюргерской смерти» героя, исключившей его из бюргерского общества. В «Будденброках» эта же участь была уготована охотнику за приданным Бендиксу Грюнлиху. Первый муж Тони Будденброк и Феликс Круль даже говорят похожим образом: Грюнлих надевает на себя личину чужого языка, чтобы очаровать родителей богатой невесты, а Феликс Круль в своей автобиографии добивается любви читателя, прибегая к единственно доступному ему средству – языку, достойному звучать в самых лучших домах.